

УДК 81'367.626.1
doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61
<https://elibrary.ru/vmfysw>

EDN VMFYSW

Личные местоимения в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX века и антропоцентричность русского языка

Савельев Виктор Сергеевич

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. alfertinbox@mail.ru

SPIN-код: 2780-5227

IstinaResearcherID (IRID): 4440976

Статья поступила в редакцию 16.08.2024

Одобрена после рецензирования 21.10.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Информация для цитирования

Савельев В. С. Личные местоимения в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX века и антропоцентричность русского языка // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61. EDN VMFYSW

Аннотация. Статья посвящена определению особенностей сочетаемости личных местоимений и оценочной лексики в русском языке второй половины XVIII – начала XIX в. на материале грамматик русского языка. Устанавливается, что отмеченная А. П. Сумароковым особенность иллюстрирования использования личных местоимений в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова, состоящая в том, что в приводимых им примерах указываются положительные качества говорящего (1-е лицо) и отрицательные характеристики других людей (2-е и 3-е лица), свойственна также и другим грамматикам русского языка, написанным после издания ломоносовского труда. Анализ приводимых примеров позволил выделить типы конструкций, в которых положительные и отрицательные качества субъектов устанавливаются на основе их отношения к другим участникам ситуации или безотносительно к ним, выражены вербально, в том числе при помощи перформативов, или выводятся как импликатуры. Высказывается предположение, что установленная закономерность имеет объективный характер, отражая одну из норм использования русского языка, связанную с его антропоцентричностью: в большинстве случаев говорящий стремится дать положительную оценку себе и критически относиться к качествам других. Обнаруживается, что отмеченное лингвистами XX–XXI вв. ограничение сочетаемости местоимений 1-го лица, состоящее в невозможности их использования с лексемами, отрицательное значение которых имеет коннотативный характер, также подтверждается примерами грамматик второй половины XVIII – начала XIX в. и, таким образом, имеет традиционный характер.

Ключевые слова: грамматики русского языка XVIII в.; М. В. Ломоносов; А. П. Сумароков; личные местоимения; антропоцентричность.

Введение

Одним из хорошо известных фактов истории русской словесности середины XVIII в. являются непростые отношения, существовавшие между двумя выдающимися деятелями той эпохи – М. В. Ломоносовым и А. П. Сумароковым. История их конфликта неоднократно становилась

объектом изучения в исследованиях начиная с середины XIX в. ([Булич 1854: 52–60]) и до наших дней ([Гринберг, Успенский 2001], [Осповат 2005], [Костин 2013]). В частности, в статье Ю. В. Сложеникиной и А. В. Растягаева анализируется написанный А. П. Сумароковым текст «Истолкование личных местоимений, я, ты, он,

мы, вы, они», опубликованный им в апрельском номере журнала «Трудолюбивая Пчела» в 1759 г. Как указывают авторы, «сатирическим объектом первой половины сумароковской статьи <...> становится Наставление пятое, О вспомогательных или служебных частях слова; Глава I, О местоимении “Российской грамматики” Ломоносова. В этой главе всего 9 параграфов (§§ 423–432), 8 первых содержат собственно грамматический материал: классификацию местоимений и парадигмы их склонения. А вот последний, 432 параграф, имеет характер примечания и иллюстрируется ломоносовскими примерами» [Сложеникина, Растягаев 2019: 98]. Именно приводимые примеры пародируются А. П. Сумароковым, обратившим внимание на то, что в большинстве случаев М. В. Ломоносов подбирает такие предложения, в которых субъектам, называемым местоимениями 1-го лица, приписываются положительные качества (например: *Я себя не льщу; <...> я своих родителей почитаю; мы своих денег не жалеем* (Ломоносов 1755: 174)), в то время как называемым местоимениями 2-го и 3-го лица – отрицательные (например: *Ты себя хвалишь; вы себя прибыли ищете; онъ самъ себя злодѣй; они живутъ собою* (Ломоносов 1755: 174)).

А. П. Сумароков разрабатывает «правила» употребления личных местоимений, указывая в качестве основания их использования стремление говорящего дать высокую оценку себе и уничижительную – другому: «Я есть мѣстоименіе перваго лица, числа единственнаго. Сіе мѣстоименіе для изьясненія чего нибудь худава ни когда не полагается, но всегда для изьясненія добрава, и по большей части несправедливо. На пр: Я человекъ разумный, ученый, честный и пр. <...> Отрицательное относится къ третьему лицу, на пр: Онъ человекъ неразумный, неученый, нечестный и пр : не рѣдко относится отрицаніе и къ третьему лицу множественнаго , на пр : Они люди нечестныя. В брани относится отрицаніе и ко второму лицу единственнаго, на пр: Ты человекъ нечестный <...>» (Сумароков 1759: 225, 226). В итоге, как отмечают Ю. В. Сложеникина и А. В. Растягаев, «за простыми с точки зрения смысла и с позиций синтаксиса примерами Сумароков увидел и портрет личности Ломоносова, и картину эпохи» [Сложеникина, Растягаев 2019: 98].

Исследование

Вероятно, остроумное наблюдение А. П. Сумарокова можно было бы считать определенным показателем его личного отношения к оппоненту, однако, как показывает анализ грамматик второй половины XVIII – начала XIX в., создан-

ных после ломоносовского труда¹, отмеченная А. П. Сумароковым особенность не является уникальной: в большинстве грамматик наблюдается та же дистрибуция оценочных предложений, в которых субъект речи совпадает (1-е лицо = говорящий) vs. не совпадает (2-е и 3-е лицо = неговорящий) с субъектом пропозиции².

1. Говорящему свойственны следующие положительные качества:

– богобоязненность <1> *Боюсь грѣха отъ Бога* (Российская грамматика 1981: 206)³;

– миротворчество <2> *Ежели ты и твой сосѣдъ мира желаете, то я и мой пріятель не отречемъ* (Российская грамматика 1981: 195), <3> *Они долго съ нимъ ссорились; но я ихъ помирилъ* (Соколов 1788: 97);

– неспособность к подлости <4> *хотябъ то жизни моей стоило я бы неучинилъ такой подлости* (Курганов 1769: 80);

– осознание своего социального статуса <5> *мы себя помнимъ* (там же: 27)⁴;

– почтение к родителям <6> *я своих родителей почитаю* (Краткие правила 1784: 136), <7> *Отецъ и мать моя равно мнѣ любезны* (Соколов 1788: 73);

– правдивость <8> *лгать не наше дѣло* (Курганов 1769: 56);

– способность признать свои проступки, ошибочность точки зрения <9> *я думалъ, что онъ имъ другъ* (Краткие правила 1784: 225), <10> *Признаюся въ проступкѣ* (Соколов 1788: 102);

– способность быть благодарным <11> *За ваши ко мнѣ милости во всю жизнь благодарить буду* (там же: 88), <12> *Я васъ благодарить буду, если отъ такихъ хлопотъ меня избавите* (там же: 93), <13> *Я васъ благодарю, что показали мнѣ средства къ счастливой жизни* (там же: 94);

– способность прислушиваться к советам, к критике <14> *Отнынѣ всегда совѣтамъ вашимъ послѣдовать буду* (там же: 87), <15> *Ябъ и теперь о томъ разсуждалъ несправедливо, если бы вы меня не вывели изъ заблужденія* (там же: 92), <16> *Онъ предписалъ мнѣ правила, какимъ образомъ жить должно* (там же: 94), <17> *Послѣдую мудрымъ твоимъ совѣтамъ* (там же: 105);

– способность прощать чью-л. вину <18> *мы ему вину прощаемъ, или вина ему отъ насъ прощается* (Курганов 1769: 63);

– способность прощать долги <19> *Для твоя бѣдности тебя прощаю* (Соколов 1788: 110);

– способность радоваться за других <20> *Услышавъ о благополучіи вашемъ, я весьма обрадовался* (Российская грамматика 1802: 240);

– стремление быть стойким, готовым к преодолению испытаний <21> *Мы должны предуготовить себя къ снесенію въ жизни всѣхъ противностей* (там же: 274);

– стремление воспитать (кого-л.) <22> *Я старался о добромъ твоёмъ воспитаніи, но старанія мои были тщетны* (Соколов 1788: 103);

– стремление к совершению добрых дел <23> *Я намъренъ былъ сдѣлать доброе, но меня съ пути збили* (там же: 93);

– честный труд <24> *Я живу жалованьемъ, а не взятками или лихоимствомъ* (Курганов 1769: 63).

Как видно из примеров, в некоторых из них субъект выражен только грамматически: <1>, <10>, <11>, <14>, <17>, <19>. В ряде случаев говорящий (Г) является не единственным актантом пропозиции: то, какую характеристику он получает, зависит от его отношения к другому участнику – собеседнику (С) или лицу, не участвующему в диалоге (неГС) (здесь и далее первым указывается лицо – носитель признака): а) Г – С <2>, <11>–<15>, <17>, <19>, <20>, <22>, б) Г – неГС <3>, <6>, <7>, <9>, <16>, <18>, <23>. Примечательно, что положительное качество говорящего в этом случае может быть противопоставлено отрицательной характеристике второго участника пропозиции: <3> – говорящий мирит *ссорающихся*, <18> – простить вину можно тому, кто *виноват*, <23> – *сделать доброе* говорящему помешали *третьи лица*, дурно на него повлиявшие, <24> – говорящий *живет жалованьем*, в то время как другие живут *взятками и лихоимством*. Следует обратить внимание на то, что в <23> и <24> второй участник не упоминается, информация о нем является имплицитной. Имплицитурсы выводятся и в тех случаях, когда говорящий является единственным участником ситуации: <4> – неспособность к подлости говорящего подразумевает то, что к ней способны другие, <8> – «лгать не наше дѣло» одновременно означает «лгать – чужое дѣло» и т. п. Как имплицатура может выводиться и сама характеристика говорящего: в <9> слова *я думалъ* могут быть оценены как релевантные только в том случае, если говорящий поменял свою точку зрения (ср. с высказыванием *Онъ имъ другъ* – очевидно, что говорящий высказывает актуальное мнение), а значит, способен признавать свою неправоту в прошлом. Необходимо также отметить, что в некоторых предложениях положительное качество говорящего становится очевидным, поскольку его высказывания содержат перформативы: <10> – *признаюся*, <13> – *благодарю*.

2. Собеседнику и/или лицу, не участвующему в диалоге, свойственны следующие отрицательные качества:

– безрассудство <25> *Безрассудность твоя ввергнула тебя въ ровъ погибели* (Соколов 1788: 96);

– бесчинство <26> *я не могу терпѣть, чтобъ онъ поступалъ такъ бесчинно* (Российская грамматика 1981: 216), <27> *видано ли чтобъ кто поступалъ такъ бесчинно?* (там же);

– вспыльчивость, склонность ссориться <28> *Онъ за самую бездѣлицу серживался* (Соколов 1788: 87);

– грубое обхождение <29> *Не далъ мнѣ выговорить ни слова, и збили съ глазъ* (там же: 93);

– деятельность во вред (субъект является источником чьих-л. бед, обижает кого-л., представляет опасность для кого-л.) <30> *горе мнѣ жить съ тобою!* (Российская грамматика 1981: 231), <31> *онъ самъ себѣ злодѣй* (Краткие правила 1784: 136), <32> *Я много досадъ отъ него терпывалъ* (Соколов 1788: 87), <33> *Хотя онъ тебя и обидѣлъ, но ты вдвое ему за то отмстилъ* (там же: 94), <34> *Мнѣ совѣтовали, чтобъ я сего остерегался* (там же: 99), а также <18>;

– злонравие <35> *Мать причиною (есть) его злонравія, и получить за то, отъ него жъ самого достойное но не пріятное воздаяніе* (Российская грамматика 1981: 230);

– избалованность <36> *Мать изнѣжила его и избаловала* (там же), <37> *Мать нѣжитъ его чрезмѣрно, и уже весьма испортила* (там же);

– лень, нерадение <38> *Вы всегда убѣгали отъ трудовъ, упражнялися въ лѣнности, теряли напрасно время, не употребляли его на науки* (Соколов 1788: 86), <39> *Твое нерадѣніе причиною, что тебя отрѣшили отъ мѣста* (там же: 93), <40> *Мы трудимся, а они гуляютъ* (там же: 85);

– мстительность см. <33>;

– невоспитанность см. <22>;

– неспособность к раскаянию <41> *Я ожидалъ отъ тебя раскаянія* (там же: 90);

– постыдное поведение <42> *стыжусь васъ въ семь* (Российская грамматика 1981: 206);

– похвальба <43> *ты себя хвалишь* (Краткие правила 1784: 136), <44> *Онъ выдаетъ себя великимъ искусникомъ* (Российская грамматика 1981: 211);

– присвоение чужого имущества <45> *Онъ все его имѣніе прибралъ къ своимъ рукамъ* (Соколов 1788: 95);

– равнодушие, нежелание помочь <46> *Я самъ открылъ мои нужды, прибѣгнуль къ вашему покровительству; но вы пріять меня подъ оное отрелися* (там же: 86, 87), <47> *Онъ просилъ у тебя милости; но ты ему оной не здѣлалъ* (там же: 91), <48> *Я жаловался вамъ на него, но вы мнѣ никакого удовольствія не здѣлали* (там же: 103), <49> *Я отъ васъ надѣялся покровительства, защищенія* (Российская грамматика 1802: 297);

– ростовщичество, воровство <50> «лихоимство и похищение ихъ прибытокъ» (Курганов 1769: 56);

– себялюбие <51> *ты себя любишь, вы себя любите* (там же: 27), <52> *Вы себя только изъ встѣхъ людей, изъ всего человѣческаго рода любите* (Российская грамматика 1981: 192), <53> *онъ себя нравится* (Курганов 1769: 27);

– склонность к обману <54> *они думали обмануть насъ* (Краткие правила 1784: 225);

– склонность к шалостям <55> *Онъ такъ привыкъ къ шалостямъ, что ничѣмъ его отъ нихъ не отвадишь* (Соколов 1788: 93), а также <3>;

– склонность насмехаться (над кем-л.) <56> *онъ надъ тобою только насмѣхается* (там же: 103);

– склонность огорчать кого-л. <57> *другомъ моимъ я огорченъ* (Краткие правила 1784: 45);

– склонность оказывать дурное влияние см. <23>;

– склонность распускать слухи <58> *Либо Петръ, либо Павелъ, у коихъ ты вчерась былъ, этотъ слухъ про тебя пустили* (Российская грамматика 1981: 188), <59> *Петръ съ Павломъ, которыхъ ты друзьями себя считаешь, это о тебѣ разгласили* (там же);

– страсть к азартным играм <60> *она, великой игрокъ, проиграла* (там же: 183);

– стяжательство <61> *вы себя прибыли ищете* (Краткие правила 1784: 136);

– хитрость <62> *онъ самой дока, т. е. великій хитрецъ* (Курганов 1769: 27).

Так же, как и в случае с положительными характеристиками, негативное качество субъекта может проявляться в его отношении к другим эксплицитно выраженным участникам пропозиции, причем субъектная перспектива высказываний может различаться: а) С – Г <30>, <46>, <48>, <49>; б) С – неГС <33>, <47>; в) неГС – Г <18>, <29>, <32>, <34>, <54>, <57>; г) неГС – С <33>, <56>, <58>, <59>; д) неГС1 – неГС2 <35>, <36>, <37>, <45>. В некоторых случаях субъект приносит вред самому себе: а) С – С <25>, <39>; б) неГС – неГС <31>. Чаще встречаются примеры, в которых субъект действует в интересах самого себя: а) С – С <43>, <51>, <52>, <61>; б) неГС – неГС <44>, <53> – интересно, что если бы он действовал в интересах других, это характеризовало бы его положительно (ср. <51>, <52>, <53> и <6>, <7>). В ряде примеров второй участник не назван, но подразумевается: <50> – *лихоимство и похищение* возможны при наличии тех, на кого они направлены; <60> – *проигрыши* возможен при наличии второго игрока. Обнаруживаются предложения, в которых лицо-носитель признака не выражен лексически: <23> – форма 3-го лица множественного числа глагола указы-

вает на неперсонифицированный субъект, не участвующий в диалоге; <29> – по форме прошедшего времени глагола не представляется возможным установить, является ли субъект собеседником или не участвует в диалоге. В некоторых предложениях отрицательная характеристика выводится как импликатура: субъект-говорящий или выражает свое недовольство объектом (<42> *стыжусь васъ въ семьъ > ваше поведение постыдно*), или сообщает о своих несбывшихся ожиданиях в отношении действий объекта (<22> *Я старался о добромъ твоёмъ воспитаніи, но старанія мои были тщетны > ты невоспитанъ*, <41> *Я ожидалъ отъ тебя раскаянія > ты не раскаялся*, <49> *Я отъ васъ надѣялся покровительства, защищенія > вы не оказали мне помощи*).

3. Некоторые из приведенных примеров показывают, что как говорящему могут быть свойственны отрицательные качества (например: <10> *Признаюся въ проступкѣ > Я совершил проступок*), так и не-говорящий может характеризоваться положительно (например: <11> *За ваши ко мнѣ милости во всю жизнь благодарить буду > Вы оказываете мне благоденія*).

Говорящему свойственны отрицательные качества:

– вынесение несправедливых оценок <63> *Ябъ и теперь о томъ разсуждалъ несправедливо, если бы вы меня не вывели изъ заблужденія* (Соколов 1788: 92);

– нарушение установленных норм, правил, см. <10>.

Собеседнику и/или лицу, не участвующему в диалоге, свойственны положительные качества:

– доброта <64> *Онъ человекъ добрый* (Российская грамматика 1981: 194);

– сдержанность <65> *онъ бы не осердился хотябъ ты съ нимъ и не простился* (Курганов 1769: 80);

– способность к дружбе <66> *я уповалъ на твою ко мнѣ дружбу* (Соколов 1788: 83), <67> *Я чту тебя за вѣрнаго мнѣ друга* (там же: 97), <68> *Я мню, считаю, что сей человекъ вамъ другъ, что сія поѣздка вамъ полезна, сіе происшествіе вамъ полезно, сіи люди вамъ друзья, сіи книги, дѣла, вамъ полезны* (Российская грамматика 1981: 217), а также <57>;

– способность оказывать положительное влияние <69> *Поводись съ нимъ, онъ доведетъ тебя до добрава дѣла* (Соколов 1788: 91);

– способность радовать <70> *Вы, утѣха намъ всегдашняя, обрадовали насъ и нынѣ* (Российская грамматика 1981: 183);

– старательность <71> *Надлежитъ отдать справедливость вашему старанію* (там же: 202);

– стремление к примирению <72> *онъ думалъ съ ними примириться* (Краткие правила 1784: 225);

– ум <73> *о! умной человекъ* (там же: 241);

– целомудрие <74> *Онъ двъицы честныя* (Российская грамматика 1981: 194);

– честность <75> *я его почитаю честнымъ человекомъ* (там же: 211), <76> *Всѣ признають его за человекъ честнаго* (Соколов 1788: 97).

Достаточно часто характеристика субъекта выводится на основе оценки его отношения к другому участнику ситуации, при этом во всех случаях оба участника эксплицированы: а) С – Г <66>, <67>, <70>, б) неГС – С <65>, <66>, <69>, в) неГС1 – неГС2 <72>. В <10> и <69> субъект выражен исключительно грамматически, а в <73> субъект не упоминается. В связи с этим истолкование данного предложения может быть различным, однако, и это важно, для носителя русского языка оно: а) не связано с подразумеваемым субъектом-говорящим, б) скорее будет истолковано как сообщение о признаке лица, не участвующего в диалоге⁵.

4. Рассмотренные примеры <1>–<76> иллюстрируют те положительные и отрицательные качества, которые свойственны исключительно говорящему или не-говорящему. Однако обнаруживаются и такие характеристики, которые, согласно грамматикам, присущи любым субъектам. В большинстве случаев речь идет о положительных свойствах:

– заботливость, проявляемая в благопожеланиях, добрых и/или мудрых советах, разъяснениях Г <77> *желаю вамъ благополучія* (Российская грамматика 1981: 202), <78> *Я желаю вамъ здравствовать* (там же: 217), <79> *Я говорю сіе въ твою пользу* (Соколов 1788: 82), <80> *Я говорю дѣло, а ты не слушаешь* (там же: 85), <81> *Я вамъ подавалъ добрыя совѣты; но вы ихъ пренебрегали* (там же: 86), а также <68>, <69> vs. С см. <13>, <15>, <17> vs. неГС <82> *Онъ мнѣ часто говаривалъ, но я его не слушалъ* (там же: 87), <83> *Онъ не допуститъ васъ до такой крайности* (там же: 91), а также <16> и <34>;

– способность к положительной оценке Г <84> *ты мною почтенъ* (Курганов 1769: 59), <85> *о какъ вы умно здѣлали!* (там же: 80), а также <64>, <67>, <70>, <71>, <73>, <74>, <75> vs. неГС <86> *И тотъ, и тотъ, съ которыми ты видѣлся вчера, полезнымъ образомъ послѣ о тебѣ отзывались* (Российская грамматика 1981: 188), а также <76>;

– стремление помочь, оказание помощи Г <87> *мы думали тѣмъ услужить ему* (Краткие правила 1784: 225), <88> *И пишу письма, и хожу, и унижаюсь предъ ними, и стараюсь о семь дѣлѣ и проч. все для тебя* (Российская грамма-

тика 1981: 203), <89> *охотно удовлетворю желанія въишимъ* (Соколов 1788: 83), <90> *Все, что только ни попросите, для васъ здѣлаю* (там же: 88), <91> *ради тебя это здѣлаю* (там же: 111) vs. С <92> *Онъ совѣтъ бы погибъ, если бы попеченіе ваше не спасло его отъ сихъ напастей* (там же: 93), а также <11> vs. неГС <93> *Онъ не допуститъ васъ до такой крайности* (там же: 91);

– трудолюбие Г <94> *Щедрость ваша къ понесенію дальнѣйшихъ трудовъ меня поощряетъ* (там же: 95), а также <40> vs. неГС <95> *его къ должности раченіе причиною, что онъ скоро достигъ до высокаго достоинства* (там же: 92);

– щедрость Г <96> *мы денегъ своихъ не жалѣемъ* (Краткие правила 1784: 136) vs. С см. <94>.

В большинстве случаев характеристика субъекта устанавливается на основании оценки его отношения к другому участнику ситуации, причем оба участника эксплицированы: а) Г – С <67>, <68>, <77>–<81>, <84>, <88>–<91>, б) Г – неГС <75>, <87>, в) С – Г <11>, <13>, <15>, <17>, г) С – неГС <92>, д) неГС – Г <16>, <82>, е) неГС – С <83>, <86>, <93>, ё) неГС1 – неГС2 <76>. При этом в <11>, <77>, <89>–<91> субъект, а в <17> второй участник выражены исключительно формами глаголов 1-го лица единственного числа. В <34> лицо – носитель признака не выражен лексически: форма множественного числа прошедшего времени глагола указывает на неперсонифицированный субъект, не участвующий в диалоге. В <64>, <69>–<71>, <73>, <74>, <85> информация о том, что субъектом-носителем признака «заботливость <...>» или «способность к положительной оценке» является говорящий, выводится как импликатура: отсутствие авторизаторов в суждениях типа <64> *Онъ человекъ добрый* свидетельствует о том, что субъектом оценки является говорящий.

Наиболее интересной представляется субъектная перспектива предложения <69> *Поводись съ нимъ, онъ доведетъ тебя до добра дѣла*: участниками пропозиции являются собеседник (выражен грамматически) и лицо, не участвующее в диалоге; говорящий формально не назван, но использование формы императива говорит о волеизъявлении говорящего, дающего совет собеседнику. В том же предложении примечательно использование двух глаголов, употребление которых с точки зрения современного носителя языка указывает на отрицательное влияние (ср. с пословицей «С кем поведешься, от того и наберешься» и устойчивым сочетанием «до добра не доведет»), в то время как в грамматике XVIII в. речь идет о влиянии положительном.

Обнаруживается также и отрицательное качество – неспособность воспринимать советы, приписываемое любым субъектам в ситуациях с двумя эксплицитными участниками: Г – неГС см. <82> vs. С – Г см. <80>, <81>.

5. Наконец, в нескольких предложениях указывается положительная характеристика «парного субъекта» – говорящего, действующего совместно с кем-л.:

– любовь к детям <97> *Мать его, и я, любили его какъ должно, и весьма старались о его воспитании* (Российская грамматика 1981: 230);

– способность радоваться за других <98> *Братъ мой и я радуемся, что вы здоровы* (Российская грамматика 1802: 281) (ср. с <20>).

В обоих случаях характеристика субъекта устанавливается на основании оценки отношения к третьему участнику ситуации: <97> (Г + неГС1) – неГС2, <98> (Г + неГС) – С.

6. Как мы видим, согласно приводимым в грамматиках второй половины XVIII – начала XIX вв. примерам, говорящему свойственно 21 положительное и 3 отрицательных, неговорящему – 15 положительных и 26 отрицательных качеств. Таким образом, обнаруженная А. П. Сумароковым особая дистрибуция оценочных предложений, иллюстрирующих употребление личных местоимений, характеризует не только труд М. В. Ломоносова, но и другие грамматики.

Подобное положение дел находит объяснение в лингвистических исследованиях XX–XXI вв., связывающих различные языковые факты с *антропоцентричностью* языка. Согласно Ю. Д. Апресяну, «в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [Апресян 1995: 272]. В частности, это касается реализации универсального концепта «свой vs. чужой»: «Противопоставление “своего” и “чужого” мира является доминантным в мировой культуре с самых древнейших времен. Оно укоренено в коллективном бессознательном и так или иначе воплощается во всех языках. Думается, что его не всегда осознаваемое носителями языка присутствие в современных речевых практиках обуславливает такую семантическую особенность нереперентных употреблений МЫ и ВЫ, как имплицитная коннотативно-оценочная семантика, которая актуализуется в определенных контекстуальных условиях: МЫ → ‘соответствующие норме, правильные, хорошие’, а ВЫ → ‘не соответствующие норме, неправильные, плохие’. Причем подобные оценочные импликации не рационализируются, не

верифицируются, никак не мотивируются реальным положением вещей – они действуют “по умолчанию”» [Гранева 2022: 342].

Неудивительно, что в связи с этим в языке существуют определенные ограничения в сочетаемости личных местоимений и оценочных слов: «Особый класс слов, не сочетающихся с 1-м лицом, образуют такие глаголы, в значение которых входит отрицательная оценка субъекта некоторого действия или состояния (ср.: Вольф 1982); ср. *Он психует* (или *Ну что ты психуешь?*) и **Я психую*; *Он повадился* и **Я повадился*, а также **Я брешу*; **Я выпендриваюсь*, **Я много о себе воображаю*; **Я дую*, **Я ворчу*, **Я брюжжжу*, **Я не почесался, чтобы ему помочь*, **Я здесь околачиваюсь* <...> Человек может сообщать о себе нечто дурное (*Я убил человека*, *Я над тобой издеваюсь*), не порождая аномальных высказываний, т. е. не нарушая языковых норм. Аномалия возникает тогда, когда компонент с отрицательной оценкой субъекта состояния или действия входит не в основное содержание лексем, а в ее коннотацию» [Падучева 2010: 141]. Как нам кажется, и в предложениях XVIII в. обнаруживаются такие, в которых замена местоимения 2-го или 3-го лица на местоимение 1-го лица породила бы речевую ошибку: <44> **Я выдаю себя великимъ искусникомъ*, <45> **Я все его имъние прибралъ къ своимъ рукамъ*, <56> **Я надъ тобою только насмѣхаюсь*, <61> **Я себѣ прибыли ищу*.

Интересно также, что «наблюдение» А. П. Сумарокова, согласно которому «когда похулителное прилагательное ставится, тогда къ первымъ лицамъ обѣихъ числъ прикладывается отрицательное, а у протчихъ отъемлется; на пр: Я человекъ неглупый, я человекъ нескупой, мы люди неглупыя, нескупыя и пр» [Сумароков 1759: 226], подтверждается как примерами грамматик (см. <4>, <8>, <24>, <96>), так и данными современной лингвистики: «В контексте отрицания аномальность может исчезать. Так, фразы *Я не ворчу*, *Я не выпендриваюсь* нормальны как возражение на чье-то обвинение» [Падучева 2010: 141].

Заключение

Таким образом, пародируемые А. П. Сумароковым особенности использования личных местоимений свойственны не только труду М. В. Ломоносова, но и другим грамматикам второй половины XVIII – начала XIX в. Безусловно, подбор схожих по семантике примеров в грамматиках можно оценить как результат того влияния, которое оказала на современников и потомков «Российская грамматика» М. В. Ломоносова, но более вероятным объяснением, на

наш взгляд, является то, что выбор примеров, иллюстрирующих использование личных местоимений, был обусловлен следованием одной из норм речевой деятельности, связанных с антропоцентричностью русского языка: говорящий чаще критически оценивает других, реже – самого себя. Как мы видим, данная норма реализуется в речи носителей языка как XVIII–XIX вв., так и XX–XXI вв. и имеет традиционный характер.

Примечания

¹ В доломоновских грамматиках, таких как «Грамматика словенская» Лаврентия Зизания (1596), «Грамматика» Мелетия Смотрицкого (1619), «Грамматика» В. Е. Адодунова (1740), примеры, иллюстрирующие употребление личных местоимений, не обнаруживаются. Таким образом, М. В. Ломоносов является первым ученым, в грамматике которого личное местоимение изучается с привлечением материала исследования, что является необходимым с точки зрения современной лингвистики: именно такой подход реализуется в фундаментальных исследованиях местоимений [Супрун 1971; Вольф 1974; Виноградов 1986; Селиверстова 1988; Петрова 1995; Шведова 1998; Майтинская 2009; Падучева 2010].

² В рамках данного исследования мы не учитываем «количественную» характеристику субъектов, употребляя термины «говорящий» и «собеседник» для обозначения как индивидуального (1-е л и 2-е лицо единственного числа), так и группового субъекта (1-е л и 2-е лицо множественного числа), включающего в качестве участника индивидуальный субъект (1 л Мн = «я + не-я»; 2 л Мн = «ты + не-ты»).

³ Издание «Российской грамматики» А. А. Барсова 1788 г.

⁴ «Помнить себя. Знать свое место, положение» [Словарь... 2015: 232]. Ср. современное «Опомнись!».

⁵ А. А. Шахматов приводит многочисленные «примеры для пропуска ожидаемых местоимений *он, она, они*», в том числе «*Что говорить! Строгий человек-с. Бедн. не пор. I; <...> Поводья затынул, Ну жалкий же ездок. Г. от у. II, 7; <...> Славная девушка, что-то из нее выйдет. Двор. гн. XVIII; <...> Глупый человек-с, – промолвил он, когда тот ушел. Тург. Льгов» [Шахматов 2001: 237], упоминая, что «обычно опускается подлежащее, соответствующее 3-му лицу» [Шахматов 2001: 236].*

Список источников

Краткие правила российской грамматики, собранные и вновь дополненные из разных российских грамматик, в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского

университета. М.: В Университетской Типографии, 1784. 250 с.

Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. СПб.: 1769. 424 с.

Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1755. 213 с.

Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / под ред. и с пред. Б. А. Успенского. М.: Издательство Московского университета, 1981. 777 с.

Российская грамматика, сочиненная Императорской Российской академией. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1802. 355 с.

Соколов П. И. Начальные основания российской грамматики, в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии наук юношества составленные. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1788. 147 с.

Сумароков А. П. Истолкование личных местоимений *я, ты, онъ, мы, вы, они* // Трудолюбивая Пчела. СПб.: Тип. Акад. наук, 1759. С. 225–229.

Список литературы

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 272–298.

Булич Н. Н. Сумароков и современная ему критика. СПб.: В Типографии Эдуарда Праца, 1854. 288 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 642 с.

Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. М.: Наука, 1974. 224 с.

Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2022. 498 с.

Гринберг М. С., Успенский Б. А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – нач. 1750-х гг. М.: РГГУ, 2001. 144 с.

Костин А. А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (из комментариев к письмам Сумарокова) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. № 7. С. 107–113.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 312 с.

Основат К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 24 с.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. 6-е изд., испр. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 296 с.

Петрова Н. А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 1995. 241 с.

Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.

Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 21. Подоба – Помощный. СПб.: Наука, 2015. 239 с.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Личные местоимения – знак личности и эпохи (на материале статьи А. П. Сумарокова «Истолкование личных местоимений я, ты, он, мы, вы, они», 1759) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3 (33). С. 96–103. doi 10.24411/2070-0695-2019-10312

Супрун А. Е. Части речи в русском языке. М.: Просвещение, 1971. 133 с.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

References

Apresyan Yu. D. Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world]. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, LRC Publishing House, 1995, vol. 2 Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya [Integral description of language and system lexicography], pp. 272-298. (In Russ.)

Bulich N. N. *Sumarokov i sovremennaya emu kritika* [Sumarokov and Contemporary Criticism]. St. Petersburg, Publishing House of Eduard Prats, 1854. 288 p. (In Russ.)

Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Doctrine of Words)]. 3rd rev. ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 642 p. (In Russ.)

Vol'f E. M. *Grammatika i semantika mestoimений* [Grammar and Semantics of Pronouns]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 224 p. (In Russ.)

Graneva I. Yu. *Russkie lichnye mestoimeniya v svete integral'nogo opisaniya yazyka: kommunikativno-pragmaticheskie, lingvokul'turologicheskie i kognitivno-diskursivnye aspekty*. Diss. dokt. filol. nauk [Russian personal pronouns in the light of an integral description of the language: communicative-pragmatic, linguocultural, and cognitive-discursive aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Nizhny Novgorod, 2022. 498 p. (In Russ.)

Grinberg M. S., Uspenskiy B. A. *Literaturnaya vojna Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh - nach. 1750-kh gg* [The Literary War Between Tre-

diakovsky and Sumarokov in the 1740s – early 1750s]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2001. 144 p. (In Russ.)

Kostin A. A. *Otnosheniya Lomonosova i Sumarokova v 1758–1760 gg. (iz kommentariiev k pis'mam Sumarokova)* [Relations Between Lomonosov and Sumarokov in 1758s–1760s (from comments to Sumarokov's letters)]. *Chteniya Otdela russkoy literatury XVIII veka* [Readings of the Department of Russian Literature of the 18th Century], 2013, issue 7, pp. 107-113. (In Russ.)

Maytinskaya K. E. *Mestoimeniya v yazykakh raznykh sistem* [Pronouns in Languages of Different Systems]. 2nd rev. ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009. 312 p. (In Russ.)

Ospovat K. A. *Literaturnyy spor Lomonosova i Sumarokova*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Literary dispute between Lomonosov and Sumarokov. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu* [An Utterance and Its Correlation with Reality]. 6th revised ed. Moscow, LKI Publ., 2010. 296 p. (In Russ.)

Petrova N. A. *Lichnye mestoimeniya v kommunikativnom aspekte*. Diss. kand. filol. nauk [Personal pronouns in the communicative aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Cherepovets, 1995. 241 p. (In Russ.)

Seliverstova O. N. *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in Language and Speech]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 151 p. (In Russ.)

Slovar' russkogo yazyka XVIII v. [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2015, issue 21. 239 p. (In Russ.)

Slozhenikina Yu. V., Rastyagaev A. V. Lichnye mestoimeniya – znak lichnosti i epokhi (na materiale stat'i A. P. Sumarokova 'Istolkovanie lichnykh mestoimений ya, ty, on, my, vy, oni', 1759) [Personal pronouns – a sign of personality and epoch (in the article by A. P. Sumarokov 'Interpretation of personal pronouns I, you, he, we, you, they', 1759)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: A Problem Field of Media Education], 2019, issue 3 (33), pp. 96-103. doi 10.24411/2070-0695-2019-10312. (In Russ.)

Suprun A. E. *Chasti rechi v russkom yazyke* [Parts of Speech in the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 133 p. (In Russ.)

Shakhmatov A. A. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Language Syntax]. 3rd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 624 p. (In Russ.)

Shvedova N. Yu. *Mestoimenie i smysl* [A Pronoun and Meaning]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. 176 p. (In Russ.)

Personal Pronouns in Grammars of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries and the Anthropocentricity of the Russian Language

Victor S. Savelyev

Professor in the Department of Russian Language

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. alfertinbox@mail.ru

SPIN-code: 2780-5227

IstinaResearcherID (IRID): 4440976

Submitted 16 Aug 2024

Revised 21 Oct 2024

Accepted 10 Dec 2024

For citation

Savelyev V. S. Lichnye mestoimeniya v grammatikakh vtoroy poloviny XVIII – nachala XIX vekov i antropotsentrichnost' russkogo yazyka [Personal Pronouns in Grammars of the Second Half of the 18th – Early 19th Centuries and the Anthropocentricity of the Russian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 53–61. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-53-61. EDN VMFYSW (In Russ.)

Abstract. The article establishes the features of compatibility of personal pronouns and evaluative vocabulary in the Russian language of the second half of the 18th – early 19th centuries on the basis of material from Russian-language grammar books. Commenting on Mikhail Lomonosov's *Russian Grammar*, Alexander Sumarokov noted an interesting feature concerning the illustration of the use of personal pronouns in this grammar book: the examples Lomonosov gives indicate positive qualities of the speaker (1st person) and negative characteristics of other people (2nd and 3rd persons). The present study has established that this feature is also characteristic of other grammars of the Russian language written after the publication of the Lomonosov's work. Basing on an analysis of examples provided in different grammar books, the author of the article classified the constructions in which positive and negative qualities of the persons mentioned depend on their relationship to other participants in the situation or without regard to them, are expressed verbally, including with the help of performatives, or derived as implicatures. It is suggested that the established pattern is objective in nature, it reflects one of the norms of using the Russian language connected with its anthropocentricity: in most cases, the speaker strives to give a positive assessment of himself and is critical of the qualities of others. The study has discovered that the restriction on the compatibility of first-person pronouns, noted by linguists of the 20th-21st centuries, consisting in the impossibility of using them with lexemes whose negative meaning is connotative, is confirmed by examples from grammars of the second half of the 18th – early 19th centuries, and thus it is traditional in nature.

Key words: grammars of the Russian language of the 18th century; Mikhail Lomonosov; Alexander Sumarokov; personal pronouns; anthropocentricity.